

Н. Н. Баранов

ОЙГЕН РИХТЕР: ЛЕВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Многие историки вне зависимости от своих методологических предпочтений и политических симпатий вольно или невольно разделяют убедительную в своей простоте и ясности интерпретацию социальных и политических процессов, сформировавших облик современного западного общества. Суть ее сводится к тому, что под воздействием колоссальных экономических и социальных изменений в раннее новое время возник класс буржуазии, который боролся за свое признание и доминирование. Либерализм, который, по общему признанию, помог достигнуть определенной степени человеческой свободы, был идеологическим выражением борьбы буржуазии за выживание. Одновременно возник другой, гораздо более многочисленный класс — класс рабочих («жертвы» торжества буржуазии). Этот класс боролся, в свою очередь, за собственное признание и доминирование и, соответственно, развивал свою идеологию — социализм, — которая была нацелена на переход через революцию к более высокому уровню человеческого освобождения. Неизбежный конфликт интересов этих двух классов — в основном эксплуататоров и эксплуатируемых — определял характер исторического процесса в новое и новейшее время. В конце концов он нашел свое естественное завершение в государстве всеобщего благосостояния, основанном на компромиссе.

Однако сравнительно недавно выдающийся историк Э. Нольте предложил принципиально иную интерпретацию исторического взаимодействия либерализма и социализма. Он выразил эту точку зрения определенно: «Реальная и модернизирующая революция — это революция либерального капитализма или экономической свободы, которая началась 200 лет назад в Англии и которая была сначала закончена в США. Этой революции индивидуализма вскоре был брошен вызов так называемым революционным социализмом, который руководствовался идеей архаического сообщества, с его прозрачностью социально-бытовых усло-

вий, как наиболее широкой контрреволюцией, а именно как тенденцией к тоталитарному коллективизму».¹ Хотя капитализм «радикально изменил условия жизни всех тех, кто оказался под его воздействием, в относительно короткий промежуток времени и продвинул их в беспрецедентной степени, по крайней мере материально... было не понятно, как возбудить к нему любовь этих людей».² Великая капиталистическая революция вызвала социалистическое движение, которое «в некотором смысле было полностью реакционным, в действительности же радикально-реакционным».³

Либерализм в концепции Э. Нольте предстает как идеология капиталистической революции, которая необыкновенно подняла жизненный уровень огромных масс людей, как доктрина, которая выдвинула принципы социального порядка, реализующего свободу в единственной форме, подходящей для нового мира. Все народы Запада способствовали созданию либеральной идеи и либерального движения. Внесли свой вклад в этот процесс и немцы. Однако либерализм в Германии встретил глубокую враждебность многих современников и недооценку со стороны историков.

Эта враждебность особенно сильно проявлялась по отношению к человеку, который на протяжении многих лет был олицетворением классического, последовательного и бескомпромиссного либерализма, — к Ойгену Рихтеру. Постепенно злоба перешла в забвение. Его 100-летие со дня смерти в 2006 г. и 170-летие со дня рождения в 2008 г. прошли в Германии практически незамеченными. И консерваторы, и социал-демократы — два лагеря, которые прочно вписаны в новейшую германскую историю и до сих пор играют решающую роль в политической жизни, — относились к нему с пренебрежением или просто игнорировали его. Политически ангажированным современникам в России О. Рихтер был хорошо знаком. Его острая сатирическая антиутопия, изоб-

Баранов Николай Николаевич — к.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: Baranov61@mail.ru

¹ Nolte E. Between Myth and Revisionism: the Third Reich in the Perspective of the 1980s // Aspects of the Third Reich. L., 1985. P. 24.

² Idem. Marxism, Fascism, Cold War. Atlantic Highlands, 1982. P. 79.

³ Ibid. P. VIII.

ражавшая жизнь в Германии после победы социал-демократов, вскоре была переведена на русский язык и издавалась в России дважды.⁴ Он удостоился биографической статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.⁵ Решительный политический оппонент Рихтера, лидер большевиков В. И. Ульянов упоминал его в своих публицистических произведениях.⁶ Сам наш герой среди прочего творческого наследия оставил два автобиографических произведения.⁷ Однако исследовательская литература о Рихтере крайне скудна, а его образ в историографии остается весьма противоречивым. В глазах небольшой группы друзей, политических партнеров и последователей Рихтер был блестящим, иногда, может быть, слишком своенравным лидером партии прогрессистов, а позже «свободомыслящих», решительным и последовательным выразителем идей немецкого политического левого либерализма. Почти сорок лет он олицетворял и возглавлял это течение в рейхстаге и в прусской палате представителей, где занял свое место в ряду самых ярких парламентских ораторов, таких как социал-демократ А. Бебель и вождь католической партии Центра Л. Виндхорст. Кроме того, он был неутомимым журналистом и издателем.⁸

За пределами узкого круга симпатизирующих Рихтеру людей отношение к нему и мнения о нем были главным образом отрицательными. Это было вполне естественно для авторитарно-консервативных сил. Наследный принц Вильгельм, будущий кайзер Вильгельм II, даже вынашивал план подговорить шестерых младших

офицеров, чтобы те побии Рихтера.⁹ Старый противник Рихтера О. Бисмарк, характеризуя его оппозиционную деятельность в рейхстаге, писал баварскому королю Людвигу II: «И в наших прогрессистских депутатах есть нечто от депутатов Конвента».¹⁰

Ганс Дельбрюк, чья оценка Рихтера оказала влияние на более поздних авторов, сравнил его с афинским демагогом Клеоном и заклеял как политика, самой большой страстью которого было стремление к блеску.¹¹ В то же время для марксиста Франца Меринга Рихтер был просто «слугой и помощником большого капитала».¹² «Жесткость» и «придирчивое доктринерство» Рихтера неоднократно подвергались критике со стороны современных крупных историков. Например, Т. Ниппердей характеризует особое внимание Рихтера к теоретической базе либерализма как «чрезвычайно твердолобый догматизм».¹³ В. Баумгарт просто выразил почти единодушное мнение своих коллег, когда вкратце характеризовал Рихтера как «вечно голосующего “против”».¹⁴

Однако даже Бисмарк был вынужден признать, что «Рихтер был, конечно, лучшим оратором, которого мы имели. Очень хорошо осведомленный и добросовестный; с нелюбезными манерами, но — человек с характером. Даже сейчас он не поворачивается по ветру».¹⁵ Теодор Барт, один из многих либеральных оппонентов Рихтера, заявлял: «Бисмарк не шел ни в какое сравнение с Рихтером диалектически, и повторяющиеся выпады Бисмарка против непримиримого человека оппозиции часто возникали из-за чувства, что всемогущий канцлер мог бы чуть-чуть вырасти, усвоив диалектическую аргументацию Рихтера».¹⁶ Другой противник из либерального лагеря, в будущем первый президент Федеративной

⁴ Рихтер Е. Социально-демократические картины будущего в Германии: Вольное сатирическое подражание Бебелю. СПб., 1893; Он же. Социал-демократические картинки будущего: По Бебелю. СПб., 1907.

⁵ Водовозов В. Рихтер Евгений // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26А (52). СПб., 1899. С. 824, 825.

⁶ См.: Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 146, 147; Он же. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 288.

⁷ Richter E. Jugenderinnerungen (1838–1871). Berlin, 1893; Idem. Im alten Reichstag. Erinnerungen: In 2 Bd. Berlin, 1894. Bd. 1; 1896. Bd. 2.

⁸ См.: Rachfahl F. Eugen Richter und der Linksliberalismus im Neuen Reich // Zeitschrift für Politik. 1912. Bd. 5. № 2–3. S. 261–374; Ullstein L. Eugen Richter als Publizist und Herausgeber: Ein Beitrag zum Thema “Parteipresse”. Leipzig, 1930; Lorenz I. S. Eugen Richter: der entschiedene Liberalismus in wilhelminischer Zeit 1871 bis 1906. Husum, 1980; Goldberg H.-P. Bismarck und seine Gegner: die politische Rhetorik im kaiserlichen Reichstag. Düsseldorf, 1998; Doering D. Eugen Richters Bedeutung für die Gegenwart / Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. 2007. Bd. 19. S. 211–223; Frölich J. Der linksliberale Freisinn — die Partei Eugen Richters? / Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. 2007. Bd. 19. S. 31–46.

⁹ См.: Hamann B. Rudolf: Kronprinz und Rebell. Munich; Zurich, 1978. S. 333.

¹⁰ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. 270.

¹¹ См.: Delbrück H. Vor und nach dem Weltkrieg. Politische und historische Aufsätze 1902–1925. Berlin, 1926. S. 136–148; Thimme A. Hans Delbrück als Kritiker der wilhelminischen Epoche. Düsseldorf, 1955. S. 31, 32.

¹² Mehring F. Gesammelte Schriften. Bd. 14: Politische Publizistik 1891 bis 1914. Berlin, 1964. S. 35.

¹³ Nipperdey T. Über einige Grundzüge der deutschen Parteilsgeschichte // Moderne deutsche Verfassungsgeschichte (1815–1918). Köln, 1972. S. 238.

¹⁴ Baumgart W. Deutschland im Zeitalter des Imperialismus 1890–1914. Grundkräfte, Thesen, und Strukturen. Stuttgart, 1986. S. 135.

¹⁵ Цит. по: Rachfahl F. Op. cit. S. 371.

¹⁶ Barth T. Politische Porträts. Berlin, 1923. S. 84.

Республики Германии Т. Хейс признавал, что Рихтер был самым влиятельным лидером «решительного либерализма» и, «конечно, в текущей работе самым хорошо осведомленным депутатом в немецких парламентах».¹⁷

* * *

Ойген Рихтер родился 30 июля 1838 г. в Дюссельдорфе в семье полкового врача. Атмосфера в родительском доме была оппозиционной: там с нетерпением ожидали и читали «Кёльнише цайтунг», что было довольно смело для того времени. С 1856 по 1859 гг. он изучал политическую науку у видных профессоров, представителей предмартовского либерализма — у Фридриха Дальмана в Бонне и у Роберта фон Моля, а также политэкономия — у Карла Генриха Рау в Гейдельберге. Под влиянием знаменитых учителей у него сложилось устойчивое убеждение, что главной задачей политики является обеспечение функционирования буржуазного общества на принципах правового государства и свободного рынка.

С того времени, как, будучи еще студентом, он прибыл в Берлин, слушания в прусской палате представителей интересовали его гораздо больше, чем университетские лекции. Он начал посещать заседания конгресса немецких экономистов, своими газетными и журнальными статьями активно поддерживал набирающее силу движение за экономический либерализм в Германии.

Опыт службы в различных органах прусской юстиции с 1861 по 1864 гг. сформировал у Рихтера негативное отношение к бюрократии. За критическую статью о незаконном ограничении свободы промыслов в Дюссельдорфе на него было наложено дисциплинарное взыскание. Сатира на деятельность консервативного союза в Магдебурге чуть было не обернулась его увольнением. В конце концов, после того как Рихтер был избран бургомистром города Нейвид, а прусское правительство отказалось утвердить его в этой должности, он покинул службу по собственному желанию и окончательно переехал в Берлин, где стал свободным журналистом, а после вступления в Немецкую прогрессистскую партию — одним из первых немецких профессиональных политиков. В 1867 г. Рихтер был избран в состав учредительного рейхстага Северогерманского союза.

С 1869 по 1906 гг. заседал в палате представителей прусского парламента, а с 1871 г. — в германском рейхстаге, причем много лет был там единственным депутатом, чья леволиберальная позиция получила поддержку избирателей за пределами столицы (округ Гаген-Швельм).

В 1884 г. Рихтер возглавил объединенную леволиберальную, Немецкую свободомыслящую партию, которая имела более ста мест в рейхстаге. Час либерализма в Германии, казалось, наступил: кайзер Вильгельм I был очень стар, а наследный принц Фридрих был самым либеральным из всех Гогенцоллернов. Однако в действительности все повернулось иначе. Политическое мастерство Бисмарка привело к тому, что Немецкая свободомыслящая партия была разбита на последующих двух выборах. Когда Фридрих наконец вззошел на трон в 1888 г., он был уже смертельно болен. Как бы то ни было, эти превратности судьбы не имели особого влияния на политические убеждения Рихтера. В течение следующих двух десятилетий он стойко держался тех же самых принципов, которые казались все более и более устаревшими и потерявшими значимость.

* * *

Краеугольным камнем социальной философии Рихтера является связь между политической и экономической свободой. Так, в ранней брошюре «О свободе торговых промыслов» он критиковал систему концессий, которая наделяла политическую власть всесторонними лицензирующими и контролирующими функциями во всех отраслях и профессиях: «пока полицейское правительство в нашем государстве объединяет само по себе законодательную, судебную и исполнительную ветви власти, Пруссия еще не заслуживает названия правового государства».¹⁸ Два десятилетия спустя Рихтер завершит свою великую речь против протекционистского тарифа Бисмарка следующими словами: «У экономической свободы нет никакой безопасности без политической свободы, и политическая свобода может найти свою безопасность только в экономической свободе».¹⁹

Этот принцип определил длительную политическую стратегию Рихтера. Всю свою жизнь он вел «войну на два фронта» — против псевдоконституционализма и возобновившегося

¹⁷ Heuss Th. Friedrich Naumann: Der Mann, das Werk, die Zeit. Stuttgart; Tübingen, 1949. S. 180.

¹⁸ Цит. по: Rachfahl F. Op. cit. S. 266.

¹⁹ Richter E. Im alten Reichstag. Bd. 2. S. 114.

протекционизма Бисмарка, с одной стороны, и возрастающего социалистического движения — с другой. Август Бебель, лидер немецких социал-демократов, описал свое первое столкновение с Рихтером, чья «холодная, закрытая натура» поразила его уже тогда: «Рихтер производил впечатление, будто он смотрел на всех нас с внутренним презрением».²⁰ Рихтера и других решительных либералов часто упрекали за эту политику. Критики считали, что левые либералы должны были соединиться с социал-демократами в общем сопротивлении милитаристско-авторитарному режиму второго рейха, а известные «жесткость» и «догматизм» Рихтера, как предполагается, в значительной степени повлияли на то, что такой объединенный фронт никогда не возник. В самих социал-демократических кругах «эта концепция была принята не только самыми влиятельными лидерами, сплотившимися вокруг Августа Бебеля, но также массой участников движения и сочувствующих».²¹

Не удивительно, что Рихтер отклонил союз с Социал-демократической партией Германии (далее — СДПГ). Он считал себя обязанным противостоять партии, которая никогда не скрывала своей конечной цели — отмены частной собственности и рыночной экономики — и того, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом рассматривалась ею как «центр всего революционного социализма». После 1875 г. СДПГ была марксистской партией и, несмотря на более поздние тенденции к ревизионизму, ее лидеры, такие как Бебель, Либкнехт и Каутский, оставались признанными ортодоксальными марксистами. Конечно, партия выдвигала различные демократические требования, но ее конечной целью оставалось «социальное устранение всех непролетариев».

По словам современного историка П. Гилга, марксистский сценарий временного сотрудничества с буржуазией с целью устранения феодализма и абсолютизма для Рихтера оставался неприемлемым. Он считал, что гипотетическое социал-демократическое государство будущего в текущей ситуации было менее опасным, чем существующее военно-бюрократическое государство, но все же по существу намного хуже. Автор резонно добавляет: «...оппозиция (Рих-

тера — Н. Б.) теории революции в социал-демократической программе, которая разрешала сотрудничество исключительно как средство в достижении победы над авторитарным правлением, естественно способствовала успеху социал-демократии, так же как и успешной ее борьбе за городские избирательные массы».²²

Помимо того факта, что «с 1869 г. социал-демократы яростно стремились сорвать съезды Прогрессивистской партии в Берлине» и происходило это, по словам Рихтера, «с ведома министра внутренних дел»,²³ союз с социал-демократами был немыслим по идеологическим основаниям. Рихтер одним из первых начал рассматривать социализм как своего рода контрреволюцию, полагая, что достижение социалистических целей приведет и к ужасающей бедности, и к всевластию государства. В свою очередь социалисты подвергали уничтожающей критике буржуазные порядки. Однако, как указывал Рихтер, «социал-демократы очень говорливы в критике существующего общественного строя, но они боятся разъяснить подробно цель, которая, как предполагается, будет достигнута посредством разрушения последнего».²⁴ Это «упущение» Рихтер попытался компенсировать своими «Социал-демократическими картинками будущего». В свое время эта небольшая книга с ее ироническим подзаголовком «прямо по Бебелю» стала сенсацией. Она была напечатана тиражом более четверти миллиона экземпляров в одной только Германии и переведена на дюжину языков.

В форме дневника немолодого берлинского рабочего-переплетчика, твердого социал-демократа перед читателем предстает острая политическая сатира, повествующая о необратимых катастрофических последствиях реализации социал-демократической программы. В первую очередь Рихтер подчеркивал связь между экономической и политической свободой: «Что такое свобода печати, если правительство обладает всеми печатными машинами, чему помогает свобода собраний, если все места для собраний принадлежат правительству? ...в обществе, в котором нет больше личной и экономической свободы, даже самая свободная форма государства не может сделать

²⁰ Bebel A. Aus Meinem Leben. Frankfurt am Main, 1910. S. 92.

²¹ Engelberg E. Das Verhältnis zwischen kleinbürgerlicher Demokratie und Sozialdemokratie in den 80er Jahren des 19. Jahrhunderts // Innenpolitische Probleme des Bismarck-Reiches. München, 1983. S. 26.

²² Цит. по: Gilg P. Die Erneuerung des demokratischen Denkens im wilhelminischen Deutschland. Eine ideengeschichtliche Studie zur Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1965. S. 135.

²³ Richter E. Im alten Reichstag. Bd. 2. S. 63, 178.

²⁴ Idem. Politisches ABC-Buch: Ein Lexikon parlamentarischer Zeit- und Streitfragen. Berlin, 1898. S. 307.

политическую независимость возможной».²⁵ Когда происходит худшее из предполагаемого — социалистическое государство оказывается неспособным к обеспечению немецкой армии, — на Германию нападают Франция и Россия, вспыхивает контрреволюция, сокрушая власть социал-демократов.

Рихтер многократно повторял, что партии правого крыла — консерваторы и антисемиты — оказывают помощь социализму, «особенно агитацией против свободного капитала, против эксплуатации, и они ответственны за безграничные обещания специальной государственной помощи и обеспечения, розданные всем трудящимся классам».²⁶ Социализм, в свою очередь, помог консерваторам и антисемитам своими революционными угрозами, пугающими средние классы и подталкивающими их в руки сильной государственной власти.²⁷ Экономический либерализм Рихтера и других левых либералов вызывал открытую неприязнь Бисмарка. Всесильный канцлер, в частности, утверждал: «Прогрессистская партия и клика манчестерских политиканов, представителей толстых кошельков, всегда была несправедлива к бедным, они всегда заставляют работать их на пределе возможностей, препятствуют тому, чтобы государство помогало им. *Laissez-faire*, наиболее возможное самоуправление, никаких ограничений, возможность поглощения малого бизнеса большим капиталом для эксплуатации неосведомленного и неопытного умным и лукавым. Государство, как предполагается, действует только как полиция, специально для эксплуататоров».²⁸

Возможно, самые известные инвективы Рихтера были направлены против политики «государственного социализма» Бисмарка, которая явилась своеобразной предтечей современного государства всеобщего благосостояния. Рихтер вместе с Людвигом Бамбергером был главным противником программы, которая началась с обсуждения послания 1881 г. о страховании от несчастных случаев. Даже в последующие годы, когда другие либеральные критики смягчили свои позиции, он упорно продолжал отстаивать свою точку зрения. Многие крупные немецкие историки упрекали Рихтера за подобную не-

гибкость. О. Штиллих ссылаясь на «холодное невмешательство в область рабочего вопроса» и утверждал, что «либерализм был безразличен и не чувствителен к интересам широких масс».²⁹ Д. Лангевиеше пишет о «частичной слепоте манчестерцев».³⁰ Рихтер, конечно, во многом заблуждался. Однако, по крайней мере, у одного из возражений, которые Рихтер выдвинул против начал государства всеобщего благосостояния, есть определенная убедительность. Как показал богатый и многообразный опыт XX в., любой сбой в предоставлении государственной помощи вызывает растущие требования к государству, которые могут обернуться социальным взрывом, и никакая политическая система не способна с этим справиться.³¹

Культуркампф поддержало большинство прогрессистов, например знаменитый либерал и друг Рихтера Р. Вирхов, который объявил крестовый поход против немецкой католической церкви. Рихтер выступил против этого рокового конфликта, который так способствовал укреплению враждебности католической церкви к либерализму. Хотя он и не бросал вызова своим политическим соратникам, но утверждал, что культуркампф «особенно не трогает» его.³² По примеру французских католических либералов и джефферсонов он поддерживал абсолютное отделение церкви от государства, включая полную свободу частного образования и принципиальное отклонение любого государственного субсидирования какой-либо религии.³³

Аналогичную позицию «против» занял Рихтер и по отношению к возникшему антисемитскому движению, с которым Бисмарк «кокетничал» в своем стремлении к ниспровержению либералов. Рихтер заклеил антисемитов как «неграждан» и как «движение, порочащее нашу национальную честь».³⁴ В свою очередь антисемиты обзывали левых либералов, объединившихся вокруг Рихтера, «гвардией евреев» и пытались, как и социал-демократы, мешать работе либеральных съездов в Берлине. Чтобы обезопасить свои собрания от антисемитских нападений, либералы

²⁵ Idem. Sozialdemokratische Zukunftsbilder. Frei nach Bebel. Berlin, 1907. S. 50.

²⁶ Idem. Politisches ABC-Buch. S. 306.

²⁷ См.: Ibid. S. 322.

²⁸ Цит. по: Bismarcks Gespräche: Von der Reichsgründung bis zur Entlassung. Bremen, 1965. S. 339.

²⁹ Stillich O. Die politischen Parteien in Deutschland. Bd. 2: Der Liberalismus. Leipzig, 1911. S. 125.

³⁰ Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1981. S. 195, 196.

³¹ См.: Richter E. Politisches ABC-Buch. S. 173.

³² Idem. Im alten Reichstag. Bd. 1. S. 78.

³³ См.: Rachfahl F. Op. cit. S. 278.

³⁴ См.: Richter E. Im alten Reichstag. Bd. 2. S. 176–183, 200–203; Idem. Politisches ABC-Buch. S. 17–23, 174–79.

обращались за помощью к частному полицейскому агентству.³⁵ Немецкие евреи из среднего класса оказывали значительную поддержку левому либерализму, во многом из-за требования отделения церкви от государства.

Рихтер боролся против законопроекта о клевете и диффамации, запрещавшего критику государственных учреждений, брака и частной собственности.³⁶ Он отвергал печально известный исключительный закон против социаллистов и меры по подавлению выступлений поляков на восточных территориях Германии.³⁷

По общему признанию, осведомленность Рихтера в финансовых делах Пруссии и Германии была непревзойденной. С начала парламентской деятельности его внимание прежде всего было сосредоточено на военном бюджете. Этот традиционный вопрос, который обусловил конституционный конфликт в Пруссии и не раз вызывал раскол среди немецких либералов, волновал Рихтера всю его политическую жизнь.

Сторонник низких налогов, особенно для беднейших слоев населения, Рихтер выступал за снижение огромных финансовых расходов на армию; по этому вопросу он даже вступал в дискуссию с начальником Генерального штаба графом фон Мольтке.³⁸ Рейхстаг — орган народного представительства — должен стоять над армией, а солдат не должен становиться над гражданином. Его упорное отстаивание двухлетней, а не трехлетней военной службы привело к дальнейшему расколу в либеральной партии в 1893 г.

Область расходования общественных денег, возможно, была самой главной для Рихтера. М. Вебер, скорее национал-либерал, нежели левый, заявил: «Несмотря на явную непопулярность Ойгена Рихтера в его собственной партии, он наслаждался непоколебимым властным положением, которое опиралось на его несравненное знание бюджета. Он был, конечно, последним депутатом, который мог проверить трату каждого пфеннига в самой последней столовой в военном ведомстве; господа из этого ведомства часто признавались мне, что они чувствовали, по меньшей мере, раздражение».³⁹

Эта сторона деятельности Рихтера является очень значимым примером для всей истории парламентского либерализма, поскольку он постоянно увязывал мир и свободу с холодными цифрами государственного бюджета. Даже весьма критично настроенная к своему герою биограф Рихтера И. С. Лоренц признает, что во всех выступлениях Рихтера по военным расходам во многих пунктах можно ощутить «дух безоговорочной оппозиции, которая, помимо экономии денег, стремилась освободить людей также от милитаризма».⁴⁰

Что касается непосредственно вопросов войны и мира, то Рихтер, в целом, очень скептически относился к аргументам в пользу больших военных учреждений и колониальных авантюр. При этом он всегда держал дистанцию по отношению к организованному движению за мир, хотя его кузен Адольф Рихтер и близкий товарищ по партии Макс Хирш входили в круг лидеров немецкого пацифизма.⁴¹

Рихтер критиковал увеличение и усиление немецких вооруженных сил, «которые существенно способствовали последующему взаимному сближению Франции и России».⁴² Он осуждал военно-морские проекты адмирала фон Тирпица.⁴³ «Мировую политику» Вильгельма II он просто не понимал. На вопрос «что такое “мировая политика”»? Рихтер ответил: «Желание присутствовать везде, где что-то идет не так, как надо».⁴⁴ По мнению одного из исследователей, «ни один буржуазный политический деятель не боролся против военной, военно-морской и колониальной политики вильгельминской Германии так резко, энергично и последовательно, как Ойген Рихтер».⁴⁵

Рихтер пережил испытание на прочность эпохой империализма, которая началась для Германии с инициатив Бисмарка в 1884–1885 гг. относительно Африки и южных морей. Хотя Рихтер отверг эти ранние инициативы, его отношение, в конечном счете, было двойственным. Изначальная позиция Рихтера, которую он выразил в июне 1884 г., заклю-

³⁵ См.: Idem. Im alten Reichstag. Bd. 2. S. 203.

³⁶ См.: Ibid. S. 128, 129.

³⁷ См.: Ibid. S. 81–84; Pack W. Das Parlamentarische Ringen um das Sozialistengesetz Bismarcks 1878–1890. Düsseldorf, 1961. S. 81, 82.

³⁸ См.: Richter E. Im alten Reichstag. Bd. 1. S. 103, 127; Bd. 2. S. 58, 68–69.

³⁹ Weber M. Gesammelte Politische Schriften. Tübingen, 1958. S. 333.

⁴⁰ Lorenz I. S. Op. cit. S. 235.

⁴¹ См.: Chickering R. Imperial Germany and a World Without War. The Peace Movement and German Society. 1892–1914. Princeton, 1975. P. 252, 254.

⁴² Richter E. Im alten Reichstag. Bd. 1. S. 93.

⁴³ См.: Richter E. Politisches. ABC-Buch. S. 416–490.

⁴⁴ Цит. по: Müller-Plantenberg U. Der Freisinn nach Bismarcks Sturz: ein Versuch über die Schwierigkeiten des liberalen Bürgerturns im wilhelminischen Deutschland zu Macht und politischem Einfluss zu gelangen. Berlin, 1971. S. 284.

⁴⁵ Ibid.

чалась в том, что «колониальная политика чрезвычайно дорога» и «ответственность за материальное развитие колоний, так же как и за их формирование, состоит в том, чтобы они были оставлены для деятельности и предприимчивости наших мореходных и торговых сограждан; должно быть отдано предпочтение процедуре присоединения в виде предоставления хартий по образцу английских королевских торговых компаний, нежели аннексии заграничных областей и присоединению их к Германскому Рейху... в то же время партии, заинтересованные в колониях, по существу, не должны управлять ими, они должны согласиться только на соблюдение там европейской юрисдикции и ее защиты, которую мы могли бы обеспечивать, не имея там постоянных гарнизонов. В остальном мы надеемся, что дерево будет вообще процветать благодаря деятельности садовников, которые прививали его, и если этого нет, тогда саженец — неудавшийся, и убытки затрагивают рейх меньше; тогда цена, которая нам требуется, не является для нас существенной, в отличие от предпринимателей, которые ошиблись в своем предприятии».⁴⁶

Критик Рихтера, впоследствии влиятельный веймарский радикально-демократический историк Э. Кер, утверждал, что Рихтер отклонил военно-морской закон и «мировую политику» просто из «капиталистических мотивов» — потому, что они не были выгодны.⁴⁷ Действительно, как всегда, Рихтер подтверждал свою позицию статистическими и прагматическими аргументами. Его принципиальная точка зрения заключалась в том, что «государство должно оставить экспорт экспортерам, промышленности и торговцам и не должно идентифицировать себя с интересами класса экспортеров... Если промышленники... получают защиту, предоставляемую военными кораблями, позвольте им (промышленникам) выделить часть прибыли, которую они захватили таким способом, и построить крейсера самостоятельно».⁴⁸ В этом вопросе Рихтер защищал тот же самый принцип, что и в вопросах социальной политики, протекционизма: государство существует для общественной пользы и не должно быть принижено до уровня инстру-

мента власти для групп с особыми интересами. Подлинный провал Рихтера в подходе к империализму состоит в том, что он никогда четко не формулировал вопрос «для кого выгодно?». Рихтер выступал против колониальных планов Бисмарка потому, что они оборачивались «обременением относительно неимущих к выгоде относительно имущих».⁴⁹ Но в следующее десятилетие, когда Германия в 1897 г. заняла Циндао и предприняла строительство железной дороги в Шаньдуне, Рихтер показал себя намного более стоворчивым, чем прежде.⁵⁰ Он заявил: «Мы рассматриваем приобретение залива Китачоу иначе и более благоприятно, чем весь предыдущий опыт поднятия флага в Африке и Австралии (подразумевается Новая Гвинея — Н. Б.). Различие для нас в том, что... Китай — древняя цивилизованная страна... и что изменения, которые коснулись Китая, особенно в ходе последней китайско-японской войны, могут побуждать нас к тому, чтобы создать здесь основу для охраны наших интересов».⁵¹

В таком контексте уместно привести мнение Л. Альбертина: Рихтер «оставался теоретически беспомощным в отношении империализма».⁵² Согласно оригинальной классификации В. Моммзена, в этом плане Рихтер принадлежал скорее к «прагматически настроенным» решительным либералам, нежели к «принципиальным» радикал-либералам.⁵³

Окончательный закат немецкого левого либерализма олицетворяет фигура Фридриха Наумана, которого сегодня в либеральных кругах федеративной республики почитают как своего рода светского святого.⁵⁴ Честолюбивый и обладающий огромной энергией, Науман был также политически проницательным. Он признавал, что правила политической игры изменились: «Что фундаментально разрушило либерализм, так это проникновение классового движения внутрь современных политических событий,

⁴⁹ Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. Köln, 1969. S. 444.

⁵⁰ См.: Spellmayer H. Op. cit. S. 81, 89.

⁵¹ Цит. по: Elm L. Freisinnige Volkspartei // Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Bd. 2. Berlin, 1970. S. 84.

⁵² Albertin L. Das Friedensthema bei den Linkliberalen vor 1914: Die Schwäche Ihrer Argumente und Aktivitäten // Liberalismus und Imperialistischer Staat. Der Imperialismus als Problem liberaler Parteien in Deutschland 1890–1914. Göttingen, 1975. S. 92, 93.

⁵³ Mommsen W. Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus // Liberalismus und Imperialistischer Staat. S. 122.

⁵⁴ См.: Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860–1919). Baden-Baden, 1983.

⁴⁶ Цит. по: Spellmayer H. Deutsche Kolonialpolitik im Reichstag. Stuttgart, 1931. S. 15, 16.

⁴⁷ См.: Kehr E. Schlachtfloottenbau und Parteipolitik 1894–1901. Berlin, 1930. S. 293.

⁴⁸ Ibid. S. 297, 298.

проникновение аграрного и индустриально-пролетарского движений... старый либерализм не был представителем какого-нибудь классового движения, он был мировоззрением, которое уравнивало все различия среди классов и общественных порядков».⁵⁵ Науман предвидел существенные черты современного демократического общества, когда писал: «Экономические классы исходили из того, что в конце концов они могли бы использовать новые средства парламентаризма... постепенно они узнали, что политика, по сути, большой бизнес, борьба и торжище за то, кто больше получит выгод, выброшенных законодательной машиной».⁵⁶

Рихтер также понимал это. Различие состояло в том, что Науман принял новые правила игры. Вместе со своим близким другом Максом Вебером Науман попытался вылепить либерализм, более приспособленный к обстоятельствам XX в. В отличие от безнадежно прозаического Рихтера, Науман знал, как сформировать новое политическое видение и предложить его поколению, испытывавшему отвращение к классическим либеральным идеям. Согласно его концепции, либерализм должен был заключить мир с социал-демократией, поддерживая классовые интересы рабочих и социальную политику государства. Тем самым либералы могли перехватить у консерваторов инициативу в решении национального вопроса и в определении мировой политики. Такая политика должна и «абсорбировать государственно-социальные элементы»,⁵⁷ и развивать «понимание в борьбе за власть среди наций»,⁵⁸ т. е. либерализм должен был стать «национально-социальным». Естественно, Науман занимал решительную позицию по вопросу о наращивании военно-морских сил: уже в 1900 г. он был убежден, что война с Англией неизбежна.

По отношению к Рихтеру, великому патриарху левого либерализма, у Наумана сформировалось своего рода добродушное презрение. На одной из встреч в Национал-социальном союзе он заявил: «Ойген Рихтер не меняется, и в этом — его величие [Смех]. Но рядом с этим человеком, с его уникальным упорством в работе и волей, которым должны восхищаться даже те, кто считает его экстравагантным ретроградом, есть целые группы людей, которые

говорят на собраниях и конфиденциально: конечно, мы за флот, но пока Рихтер жив — у человека, конечно, есть свое величие [Смех]».⁵⁹

Даже среди младших лидеров собственной партии Рихтер встретил усиливающуюся критику своей позиции по вопросу о колониях и наращивании военно-морских сил. В 1902 г. в рейхстаге один из протеже Рихтера Р. Эйкхоф поблагодарил военного министра от имени своих избирателей за новый контракт по военным поставкам и, пользуясь возможностью, просил заключить еще больше контрактов, говоря, что «аппетит приходит во время еды» (*l'appétit vient en mangeant*).⁶⁰

Со смертью Рихтера в 1906 г. закончилась придиричивая критика военных вопросов и история немецкого манчестерства. Спустя несколько лет после его смерти известный тогда националистический историк Э. Маркс говорил о состоявшейся «замене старого либерализма». Этот либерализм насыщал и пропитывал жизнь современных наций, его воздействие до сих пор чувствуется всюду, оно необратимо. Но, добавил биограф Бисмарка, «его (либерализма — *Н. Б.*) наиболее отличительный политический принцип сегодня находится в тени. Идея усиления государственной власти вытеснила его. Именно эта идея повсюду наполняет лидеров, сильно и решительно доминирует над ними: кроме России, где она никогда не исчезала, мы встретились с тем же самым в политике Рузвельта и Чемберлена и признаем в Бисмарке и кайзере Вильгельме II».⁶¹

Что касается Рихтера, есть доля правды в словах Т. Хейса о его «монументальном мелкобуржуазном качестве».⁶² Рихтер не знал иностранных языков и всего несколько раз выезжал за границу — в Швейцарию. Он, кажется, мало интересовался делами других стран, даже состоянием их либерального движения. Т. Барт, представитель левого либерализма, связанный с крупными банками и экспортными торговыми домами, в шутку ответил на вопрос, что отличало его партию от партии Рихтера: «Если человек может сказать, чем отличается мозельское вино от рейнского, он — член партии Барта, в противном случае — партии Рихтера».⁶³

⁵⁹ Ibid. S. 232.

⁶⁰ Chickering R. Op. cit. P. 255.

⁶¹ Marcks E. Männer und Zeiten: Aufsätze und Reden zur neueren Geschichte. Leipzig, 1916. S. 260.

⁶² Heuss Th. Op. cit. S. 180.

⁶³ Wegner K. Theodor Barth und die Freisinnige Vereinigung. Studien zur Geschichte des Linkliberalismus im wilhelminischen Deutschland (1893–1910). Tübingen, 1968. S. 100.

⁵⁵ Naumann F. Der Niedergang des Liberalismus // Werke. Bd. 4. Opladen, 1964. S. 218.

⁵⁶ Ibid. S. 220.

⁵⁷ Naumann F. Liberalismus als Prinzip // Werke. Bd. 4. S. 252.

⁵⁸ Idem. Niedergang des Liberalismus // Werke. Bd. 4. S. 224.

Но «мелкобуржуазное качество» Рихтера было тем, что чувствовали и понимали его последователи в немецком среднем классе, среди представителей свободных профессий и мелких предпринимателей в больших городах, и прежде всего в Берлине.⁶⁴ Под давлением необратимых перемен они представляли немецкую версию «забытого человека» Уильяма Грэма Самнера. Спустя шесть лет после того, как классический труд Самнера был издан в Соединенных Штатах, журналист А. Майер написал в «Свободолюбивой газете» Рихтера, что либералы были «партией маленького человека, который надеется только на себя и свои собственные силы, кто не требует подачек от государства, но только хочет, чтобы ему не препятствовали в изменении его статуса к лучшему исходя из его способностей, и стремится составить своим детям лучшую долю, нежели его собственная».⁶⁵

Превосходное беглое знакомство с таким немецким «забытым человеком» мы имеем благодаря живому изображению Б. Вальтером своего отца, берлинского еврея, «счетовода в крупной шелковой фирме, на которую он работал, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, с растущим доходом, больше пятидесяти лет. Он был тихим человеком со строгим набором обязанностей, вполне надежным; за пределами своей профессии он знал только свою семью... он голосовал за либеральных и уважаемых Рудольфа фон Вирхова и Ойгена Рихтера».⁶⁶

Бесспорно, «мелкая буржуазия» снова и снова поддерживала Рихтера: у нее не было большой любви к «мировой политике» и бодрящим войнам или к ниспровержению существующего социального строя во имя марксист-

ской мечты. По ироничному суждению Франца Меринга, «это не он (Рихтер — Н. Б.) создал Свободолюбивую партию по своему подобию, а они выбрали его в качестве своего лидера, потому что видели в нем свое наиболее полное подобие».⁶⁷

В 1931 г., в 25-ю годовщину смерти Рихтера, социал-либеральный историк Эрих Эйк поставил вопрос, может ли тот «что-то еще значить для нас».⁶⁸ После того, что немцы пережили со времен Рихтера, легче понять, в чем его значение. Он был, если рассматривать в масштабах Германии, великим защитником либеральной мировой революции, которая составляет суть новой истории. В течение четырех десятилетий как политический деятель и публицист он боролся за то, что В. Зомбарт отвергал как «дух английского торгашества»: за мир, достойную жизнь для всех классов, достигнутую благодаря рыночной экономике и свободной торговле; за плюрализм, а не жесткое столкновение мировоззрений и культурных ценностей, за гражданское чувство собственного достоинства и независимость человека. Вопреки всем консервативным упрекам, он всегда оставался гордым патриотом и не мог понять, почему немцы, как все люди, не должны наслаждаться частными правами. Иными словами, Рихтер был последовательным защитником тех тенденций, которые пережили катастрофы XX в. и принесли свои плоды. В этом смысле он был предвестником современности. Определенно, в свое время Ойген Рихтер потерпел неудачу. Но если в этом есть основания для пренебрежения самым видным из политических лидеров подлинного либерализма в Германии, то какой еще либеральный политический деятель в немецкой истории имел успех до Аденауэра и Эрхарда?

Ключевые слова: *буржуазия, Германия, капитализм, либерализм, империализм, манчестерство, рейхстаг*

EUGEN RICHTER: LEFT LIBERALISM IN THE GERMAN EMPIRE

The article deals with the biography and political credo of the leader of the German left liberalism, the active parliamentary figure of the Wilhelm II epoch — Eugen Richter. The author focused his attention on the problem of ideological and political struggle of the left liberals with the military «pseudo-constitutionalism» of O. von Bismarck and the social-democratic ideology of Marxism in relation to the problems of the social and political system, and the key issues of the foreign and military policy.

Nikolay N. Baranov

⁶⁴ См.: Ibid. S. 99–101.

⁶⁵ Цит. по: Müller-Plantenberg U. Op. cit. S. 146.

⁶⁶ Walter B. Thema und Variationen — Erinnerungen und Gedanken. Stockholm, 1947. S. 16, 21.

⁶⁷ Mehring F. Op. cit. Bd. 15: Politische Publizistik 1905 bis 1918. Berlin, 1966. S. 165.

⁶⁸ Eyck E. Eugen Richter // Auf Deutschlands Politischem Forum. Erlenbach; Zürich, 1963. S. 47.